

рукой всадник держит копьё, которым он наносит удар в голову змею, извивающемуся кольцами под копытами коня; острие копья поражает змея прямо в разверстую пасть, пронзает насквозь и выступает на затылке; в голове змея виден вонзенный обломок другого копья. С правой стороны (на взгляд смотрящего), на уровне головы всадника различается греческая надпись-граффити в две строки:

ὁ Ἅγ[ι]ος
Γεώργ[ι]ος
(Св. Георгий).

С левой стороны видны монограмма с ниже размещенной контрактированной и к тому же сильно фрагментированной внешними разрушениями греческая надпись-граффити в две строки (вместе с монограммой – три строки), которая может быть реконструирована и транскрибирована следующим образом:

Θεο[υ]
[τοῦ] Δ[οῦ]λου Δέ[η]σις
[Θεόδ]ωρου

(Божьего раба молитва Феодора).

Первая надпись не оставляет сомнений в том, что рельефный всадник – Св. Георгий, а не, скажем, Св. Димитрий, или какой-нибудь другой из почти полусотни святых воинов, почитаемых в Византии²⁴ и на латинском Западе²⁵, и на иконе воспроизведен один из многочисленных канонов изображения этого святого – «драконоборчества»²⁶. Но здесь нельзя не заметить характерных отступлений от канона: прежде всего, всадник в соответствии с католической монашеской практикой безбород, имеет прическу на латинский манер и облачен в панцирь латинского образца²⁷; наконец, он увенчан короной, украшенной зубцами в виде лилий. По канону, Св. Георгий не изображался в короне; этим

²⁴ Soldaten-Heiliges // Reallexicon zur Byzantinischen Kunst / Hrsgb. von K. Wessel. Stuttgart, 1971. Lf. 15. Col. 1049–1061.

²⁵ Delehaye H. Le legends des Saints militaires. P., 1909.

²⁶ Dictionnaire iconographique des monuments de l' antiquité chrétienne et du moyen âge / Ed. L.-J. Guénebault. P., 1845. T. 2. P. 13–14; Dictionnaire d' archéologie chrétienne et la liturgie. P., 1913. Vol. 6. P. 1021–1029; Dictionnaire encyclopédique du christianisme ancien / Ed. A. Di Berardino. Genova, 1990. Vol. 1. P. 1032; La Bible et les Saints. Guide iconographique / Ed. G. Duche-Suchaux, M. Pastoureau. P., 1990. P. 156–157.

знаком Святой намеренно выделялся как $\kappa\omicron\mu\tau\theta$, благородный, аристократический предводитель христианского воинства в борьбе с неверными. Форма короны могла иметь аллюзию на геральдическую фигуру, встречающуюся в латинском искусстве блазонирования, в частности, в гербе генуэзского рода деи Франки, известного деятельностью в Крыму²⁸. Но, пожалуй, еще удивительней лик Св. Георгия — он скуласт, с раскосыми, словно эпикантированными глазами, обнаруживая черты монголоидности.

Св. Георгий в равной степени почитался и христианами и нехристианами Понтийского региона как покровитель скотоводства и земледелия²⁹. Он был святым патроном как Византии, так и Генуи, обладавшей верховной, сюзеренной властью над генуэзскими поселениями в Крыму, и одновременно святым покровителем Кафы, утвердившейся в качестве главного центра всех генуэзских владений в Северном Причерноморье, так называемой «Генуэзской Газарии». Под именем Джирджис он почитался у арабов, обитавших в крымских торговых центрах; под наименованием Уастырджи он был известен кавказцам, также проживавшим в портовых городах Крыма; под прозвищем Хызр он поминался тюркоязычным населением Кафы и Солдайи (современного Судака). Образ Св. Георгия рассматриваемой солдайской иконы отразил это феноменальное поликультурное сосуществование в пределах Генуэзской

²⁷ Представления о прическах, одеяниях, доспехах средневекового западноевропейского рыцарства дают латинские надгробные скульптурные изваяния XIII–XIV вв., см.: Die mittelalterlichen Grabmäler in Rom und Latium vom 13. bis zum 15 Jh. / Red. J. Garms, R. Juffinger und B. Ward-Perkins. Rom; Wien, 1981. Bd. 1. Abb. 1–226.

²⁸ Oderico G.L. Op.cit. № 12; Skrzinska E. Op.cit. № 14, 50.

²⁹ О Св. Георгии существует обширная литература на различных языках, см. наиболее важные издания: Кирпичников А.И. Святой Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879; Хаханов А. Грузинский извод сказания о Св. Георгии // Чтения общества истории Древней Руси. М., 1891. Вып. 4; Рыстенко А. Легенда о Св. Георгии и драконе в византийской и славянской литературах. Одесса, 1909; Крачковский И. Легенда о Св. Георгии Победоносце арабской редакции // Живая старина. М., 1910. № 19; Вилинбахов Г.В., Вилинбахова Т.Б. Святой Георгий Победоносец. СПб., 1995; Delehaye H. Les Légendes grecques des Saints militaires. P., 1909; Steketel Hulst C. St. George of Cappadocia in Legend and History. L., 1909; Krumbacher K. Der Heilige Georg in der griechischen Überlieferung // Abhandlungen der kaiserlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Abt. München, 1911. Bd. 25. H. 3; Aufhauser J.B. Miraculi Sancti Georgii. Lipsiae, 1913.

Газарии: антропологически он оказался подобием тюркского этнического окружения, лингвистически (судя по граффити) стал выразителем грекоязычной среды, а в военно-политическом аспекте отразил латинское доминирование.

Дабы постичь хотя бы часть культурного смысла данного иконного образа, придется обратиться к грузинской агиографической традиции³⁰. Весьма противоречивые, порой причудливо мифологизированные сведения о Св. Георгии отыскиваются раньше всего у византийских церковных авторов – св. Андрея Критского (†740), Григория Декаполита (†842), Симеона Метафраста (†960), Епифания Монаха (†1015)³¹ и некоторых др. Культ святого с таким именем зародился в Палестине на рубеже IV–V вв.; уже римский папа Геласий I (492–496) должен был заниматься вопросом признания святости Георгия, усомнившись в ряде его чудес; в Лидде сохранилась мраморная плита V в. с изображением и знаками мученика³². На Западе вера в Св. Георгия получила широкое распространение со времени Первого крестового похода.

Согласно византийским текстам³³, Георгий происходил из аристократического малоазиатского рода. В качестве его родины чаще всего называют Каппадокию, Пафлагонию или Палестину, но встречаются упо-

³⁰ *Bibliotheca hagiographica latina, antiquae et mediae aetatis* / [Ed.] Socii Bollandini. Bruxelles, 1898–1901. Vol. 1–2. № 3363–3393; *Bibliotheca hagiographica orientalis* / [Ed.] P. Peeteres. Bruxelles, 1910. № 309–320; *Bibliotheca hagiographica graeca* / [Ed.] F. Halkin. Bruxelles, 1957. P. 212–223; *Iconomou E. Cos' è l'icona: Oggetto liturgico oppure mezzo ermeneutico?* Milano, 1994.

³¹ *Sancti Andreae archiepiscopi Cretensis cognomento Hierosolimitani Encomium in Sanctum martyrem Georgium* // PG. P., 1865. T. 97. Col. 1169–1192; *Sancti Gregorii Decapolitae Sermo historicus* // PG. P., 1865. T. C. Col. 1201–1212; *Simeonis Logothetae cognomento Metaphrastae Martyrium Sancti et magni martyris Georgii* // PG. P., 1864. T. CV. Col. 141–162; *Epiphani Monachi hagiopolitae Ad modum descriptionis situs orbis, e narratio Syriae, urbis Sanctae, et sacrorum locorum* // PG. P., 1864. T. CXX. Col. 263.

³² *Saxer V. [St.] Georges* // *Dictionnaire encyclopédique du christianisme ancien*. Genova, 1990. Vol. 1. P. 1032.

³³ *Acta Sanctorum* / [Ed.] Socii Bollandini. Antverpiae, 1675. Vol. 3. P. IX–XV; *Simeonis Logothetae cognomento Metaphrastae Martyrium Sancti et magni martyris Georgii*. Col. 143 sq.; *Sancti Andreae archiepiscopi Cretensis cognomento Hierosolimitani Encomium in Sanctum martyrem Georgium*. Col. 1178 sq.; *Epiphani Monachi Op. cit. Loc. cit.*; *Bibliotheca hagiographica graeca*. Vol. 1. P. 212–223; *Vies des Saints et des Bienheureux* / Ed. J. Baudot. P., 1959. Vol. 4. P. 591–595.

минания и ливийских центров. Все византийские авторы наделяют его незаурядными воинскими доблестями, отмечают успешную карьеру в римской армии, где он достиг немалой должности тысяцкого; как правило, он называется современником римского императора Диоклетiana, отмечается, что он придерживался христианского вероисповедания и разделил участь многих героев эры мученичества. Жития³⁴ повествуют, как Георгий выступил с резкими обвинениями против императора, который сжег в ночь на Рождество христианский храм в Никомидии вместе с несколькими тысячами верующих. Святой был схвачен, подвергнут мучительным пыткам и обезглавлен. Это произошло, как утверждает агиографическая традиция³⁵, 23 апреля 303 г. Местом упокоения стал палестинский город Лидда (по другим версиям Никомидия или Диаполис). День поминовения Святого стал одной из ключевых дат христианского календаря, знаменуя начало весеннего цикла пастушеско-земледельческих работ.

Определенно легендарный характер носят рассказы о мученичествах Св. Георгия: вначале он был привязан к колесу и прокатан над досками с гвоздями, но был снят с колеса самим ангелом живым и невредимым; затем ему на ноги были надеты железные сапоги с гвоздями внутри, раскаленные на огне докрасна, но он выдержал и эту пытку; после ему был дан напиток со смертельным ядом, однако святой оказался сильнее. В довершение мук он был приведен в храм Аполлона, где его принуждали отречься от христианской веры, но Георгий молитвенным словом смог сокрушить языческие идолы; наконец, по приказу императора ему была отсечена голова, но мученик, подхватив падавшую голову руками, продолжал какое-то время стоять в покорном обращении к Всевышнему. Характерными элементами предания были упоминания об обращении в христианство самих мучителей Георгия (упоминаются Анатолий, Протолон, Афанасий), ставших свидетелями необыкновенной силы христовой веры; все они поплатились жизнью за последование Георгию. Помимо мощного проповеднического заряда, здесь отчетливо фиксируется фольклорный мотив трехкратного умирания и воскресения, преодоления смерти. Собственно говоря, Св. Георгий и был персонализаци-

³⁴ *Simeonis Logothetae cognomento Metaphrasticae. Martyrium Sancti et magni martyris Georgii*. Loc. cit.; Constantinus Acropolitae. *Laudatio* // AB. Bruxelles, 1933. T. 51. P. 271.

³⁵ *Bibliotheca agraphica graeca*. Vol. 1. P. 212.

ей животворящих сил природы, пробуждающихся весной и впадающих в сонное состояние осенью. Поэтому весеннему празднеству Св. Георгия, символически соотносившемуся с воскресением природного мира и приходившемуся на 23 апреля, очень скоро возникло дополнение в виде осеннего празднества, завершавшего активный земледельческо-пастушеский цикл, знаменовавшего умирание. Осенний праздник Св. Георгия стал отмечаться 3 ноября³⁶.

Этот второй день стал ассоциироваться с воспоминанием другого чуда Св. Георгия, приобретшего еще более мифологизированный характер — «чуда о змие», подвига «драконоборчества». Согласно житийной литературе³⁷, Георгий выступил спасителем города Ласии (иногда называется ливийский город Силена и даже Бейрут), страдавшего от поселившегося в озере страшного чудовища, которому жители города обязаны были приносить кровавую дань. Однажды в жертву дракону была предназначена дочь городского правителя. Облаченная в багряницу, она была приведена на берег, и в этот миг ее, плачущую, увидел проезжавший мимо на коне Георгий. Он сразил монстра, освободил девушку, как триумфатор был встречен в городе. На той земле он основал первую христианскую церковь, служить в которой стала спасенная девушка; христианскую веру приняли и остальные жители. В латинской версии предания, вошедшего в «Золотую легенду» Джакомо из Ворагина (1230–1298)³⁸, подвиг освобождался от brutальных сцен кровавого боя, переходя в область непостижимого *miraculum*: Георгию не пришлось обнажать меч, он сакральным словом укротил зверя, связал его выю женским поясом и заставил идти на привязи вслед за слабой женщиной вплоть до города; там, на главной площади, в присутствии всего народа герой убил дракона.

В этом эпизоде Св. Георгий стал воплощением идеала рыцарственности, призванной защищать слабых и невинных, карать безусловное зло, восстанавливать справедливый и законный порядок. Кроме того, подвижничеством Святой выражал идею подавления языческого прошлого, миссионерского служения и утверждения истинной веры — хрис-

³⁶ Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. H. Delehaye. [Bruxelles], 1902. P. 297–301.

³⁷ *Aufhauser J.B.* Miraculi Sancti Georgii... P. 100–107.

³⁸ *Jacobus de Voragine.* Legenda aurea / Ausg. von J.G.Th. Graesse. Melle, 2003.

тианства. Наконец, связь чуда с освобождением города, основанием первой церкви превращала Св. Георгия в устроителя новой *civitas*, носителя идеи новой государственности. Не удивительно, что Святой как триумфатор, восседающий на коне, стал геральдическим символом Византийской империи, Руси, как уже отмечалось, Генуи, нередко называвшейся «Республикой Сан Джорджо», и крымской Кафы.

В обозначенном контексте требует особого понимания увенчанность короной Св. Георгия на солдаийской иконе. Коронованный всадник-змеборец рассматриваемого рельефа являлся не столько победителем над иноверием, упрочителем истинной веры (все же в его образе акцентируется совмещение латинско-греческо-ориентальных черт), сколько невольным выражением идей суверенизации своеобразного континуума Генуэзской Газарии, когда различия между проживавшими на одной территории католиками и православными, христианами и нехристианами оказывались менее существенными, чем противоречия между генуэзскими колонистами и генуэзцами *madrepatria*. Идеи автономии Кафы и ее владений усиливались в конце XIV в., что ощутимо по составлению кафинско-крымских договоров 1380–1381 и 1387 гг., нарушению регулярных связей Кафы с Генуей, обращению к практике самостоятельно-го избрания глав городской власти и т.п.

В Кафе культ Св. Георгия находился под особой опекой городских магистратов и становился в некотором смысле консульской привилегией и консульским культом. Праздник Св. Георгия, как весенний, так и осенний, был, пожалуй, главным в городе и округе, поскольку в отличие от Рождества и Пасхи, отмечавшихся только христианами, к тому же, православными и католиками в разные дни, он объединял всех горожан без различия этно-конфессиональной принадлежности. Торжествам предшествовала тщательная подготовка, из бюджета Кафы выделялись деньги на подкрашивание официальных рельефов Св. Георгия на консульском дворце и крепостных башнях. В ходе праздника устраивалась пышная процессия во главе с консулом, правителем Кафы и генуэзской Газарии, восседавшим на белом коне; он выезжал за главные городские врата, совершал ритуальную охоту на дикого зверя, а затем с триумфом возвращался назад; после чего устраивались пиршество и фейерверки. Консул в этом действии, определенно, отождествлялся со Св. Георгием, и коронованность Святого отражала связь с государственной идеологией. Присутствие подобной атрибутики на иконе, происходившей от

частного лица, некоего Феодора, о чем свидетельствует вторая надпись, говорит о влиянии более значимого образца, созерцавшегося каждым жителем города на башнях и консульском замке Солдайи.

Исследователи не раз обращали внимание на связь идейной образности Св. Георгия с дохристианскими мифологиями Востока, Эллады и кельто-германского мира³⁹; мотив «змееборчества» находил аналогии в подвигах древнеегипетского Ра, месопотамского Мардука, индоарийского Индры, иудейского Яхве и эллинского Аполлона; идея борьбы с силами зла, спасения слабой, прекрасной девушки находила параллели в деяниях легендарных героев – шумерского Гильгамеша, эллинских Персея и Ясона, кельтского Беллерофонта и древнегерманского Сигурда; умирание и воскресение оказывается повторением архетипических сюжетов о древнеегипетском Осирисе, эллинском Дионисе и древнегерманском Одине, сопровождавшихся соответствующими мистериями. Обозначались истоки некоторых черт георгианской агиологии в древних культах теургических богов, покровительствовавших земледелию и скотоводству.

Среди мифологических и фольклорных истоков культа Св. Георгия не следует забывать почитания эллинского Асклепия, или римского Эскулапа, бога врачевания⁴⁰. Асклепий, как известно, считался сыном бога Аполлона и нимфы Корониды. Он появился на свет не только как плод любви, но и возмездия: изменившая Аполлону нимфа была убита и предана сожжению; из ее чрева, прямо из погребального костра и был извлечен младенец, нареченный Асклепием и отданный на воспитание мудрому кентавру. Всаднический статус Св. Георгия, восседавшего верхом на коне, определенно, обнаруживает соответствие в асклепиевом содружестве с кентавром Хироном, у которого он обучался тайным знаниям жизни и смерти. Верхом на кентавре Асклепий, по преданию, провел годы своего ученичества. Георгиево борение с драконом при помощи копья оказывается аллюзией на укрощение и приручение змеи Асклепием, использовавшим для этой цели жезл; способность Св. Геор-

³⁹ Рыстенко А. Указ. соч.; *Delehaye H.* Op. cit.; *Steketel Hulst C.* Op. cit.; *Krumbacher K.* Op. cit.; *Aufhauser J.B.* Op. cit.

⁴⁰ *Надь Г.* Греческая мифология и поэтика. М., 2001; *Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А.* Боги и герои Древней Греции. М., 2002; *Вен П.* Греки и мифология: Вера или неверие? М., 2003.

гия переносить смертные муки выступает трансформацией обращенного на самого себя асклепиева дара воскрешать умерших, за что божественный целитель был поражен молнией Зевса; правило обязательного употребления в пищу петушиного мяса на общенародном пиру по случаю дня Св. Георгия, как утверждал кафинский устав 1449 г., оказывалось отзвуком древнего обычая жертвоприношения петуха в дни почитания Асклепия.

Культ Асклепия — Эскулапа был довольно широко распространен в эллинистическую и римскую эпохи в Причерноморье, где устраивались святилища — асклепийоны⁴¹; там совершались инкубации — ритуалы священного сна, во время которого больные исцелялись. В этих святилищах хранились многочисленные дары тех, кто вылез из тяжелых недугов. Среди разнообразных votivных предметов обращают на себя внимание каменные рельефы так называемого «Фракийского всадника», встречающиеся на территории Болгарии⁴². По форме, характерному овальному верху, размерам, изображению всадника в плаще с поднятой рукой, метнувшей дротик, они подобны солдайской иконе Св. Георгия; правда под копытами коня изображался, как правило, кабан, более привычный фракийскому ландшафту, реже — некое подобие льва, неизвестного местному зоомиру, и лишь в единичных случаях — змея⁴³. Что касается надписей, то сверху, на самой овальной раме рельефа обычно вырезалось имя Асклепия, бога, к которому обращались с просьбой об исцелении, а внизу — имя просителя.

Характер граффити солдайской иконы, словно бы, воспроизводит этот древний понтийский архетип, в котором имя Асклепия оказалось замещенным именем Св. Георгия, а верхнее и нижнее расположение надписи уступило место правому и левому ее размещению: справа (это более высокая сторона) — обращение к Святому Георгию, у которого ищут защиты и заступничества, избавления от напастей, прежде всего,

⁴¹ *Doncheva J.* Le temoinage le plus ancien du culte d'Asclepios dans les terres Bulgares // *Thracia. Serdicae*, 2000. Vol. 13. P. 73–77; *Дончева И.* Инкубацията в култа към Асклепий // *Эпохи. Велико Търново*, 2000. Г. 8. № 1. С. 79–90; *Ильина О.М.* Культ Асклепия в античных городах Западного Понта в римский период // *Иресиона. Античный мир и его наследие. Белгород*, 2002. С. 34–44.

⁴² *Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae* / Ed. G. Mihailov. *Serdicae*, 1958. Vol. 2. № 552–555, etc.

⁴³ *Ibid.* № 554.

болезненных, слева (что соответствует низшей стороне) – имя дарителя, Феодора, со словами благодарственной молитвы за помощь. То есть, рассматриваемая икона со змееборцем должна восприниматься в контексте определенной традиции сакрального обмена, отдаривания культового учреждения и божественного лица, наделенного невероятной, трансцендентной силой, за возвращение к жизни, традиции, имевшей весьма глубокие исторические корни в крымском регионе.

Взаимоотношения между частным лицом и религиозными институтами в Генуэзской Газарии отражает другой, до сих пор не вызывавший интереса исследователей памятник – известняковая плита трапециевидной формы с высеченным генуэзским гербом из фондов Национального заповедника «Херсонес Таврический»⁴⁴ (рис. 5). Что представляет собой этот лапидарный образец? Щит каплевидной формы, крайне редко встречающейся в крымском лапидарии. Щит пересечен по принципу веретена четырьмя контррельефными (самый верхний, словно уменьшен по ширине из-за размещенного над ним креста) и тремя рельефными поясами, в его навершии помещен врезной крест. Подобные кресты обычно связывают с церковным статусом обладателя герба. Однако порой кресты помещались на гербах светских лиц, выделявшихся богоугодными делами, особенно в строительстве новых храмов или в восстановлении старых⁴⁵. Кому принадлежал герб? В качестве первого предположения напрашивается мысль о его идентификации генуэзскому роду д'Олива, один из представителей которого – Баттиста – был консулом Чембало в 1467 г.⁴⁶ Однако это предположение должно быть отклонено, поскольку герб рассматриваемой плиты имеет отличающие-

⁴⁴ Геральдическая плита; размеры: 47 x 52 x 8 см; известняк; место находки – г. Феодосия; время находки – до 1940 г.; в 1940 г. по акту обмена передана из Феодосийского краеведческого музея в Херсонесский лапидарий. Хранится в Национальном заповеднике «Херсонес Таврический», инв. № 45411.

⁴⁵ Ср. солдатскую плиту по случаю сооружения храма Девы Марии с гербом консула Солдаи 1469 г. Бернардо д'Амиго: *Скржинская Е.Ч.* Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 172–175.

⁴⁶ См.: *Skrzinska E.* Op. cit. N 55; однако плита с геральдикой Баттиста д'Олива была вывезена в Италию во время Крымской войны и ныне хранится в Музее истории навигации в Генуе; возможно, задачами реконструкции этой утраченной плиты была вызвана передача рассматриваемого памятника с похожей геральдикой из Феодосийского музея в Херсонес.

ся от герба д'Олива количество и порядок чередования рельефных и контррельефных поясов: на только что представленном щите насчитывается 4 + 3 балки, причем, поле вначале (и сверху и снизу) пересекалось контррельефными (врезными) балками, а на щите д'Олива имеется 3 + 3 балки и при этом, наоборот, вначале помещались рельефные (выпуклые) пояса.

Возможно, данный герб принадлежал генуэзскому роду Леркари: рельефные пояса соответствовали красному (червленому) цвету, а их контррельефные отражения — белому (серебряному) тону. Представители этого рода известны в Крыму с конца XIII в. Костантино Леркари был консулом Кафы 1404 г., Паоло Леркари занимал одну из высших должностей в Кафе и Газарии в 1411–1413 гг., Антонио Леркари являлся высшим кафинским официалом в 1456–1457 гг., а Джоффридо Леркари управлял кафинскими делами в 1472–1473 гг.⁴⁷ Данная геральдическая плита могла быть высечена по распоряжению одного из них в ознаменование какого-то значимого этапа строительных работ на одном из храмов Кафы. Ее датировка оказывается достаточно широкой — XV в., за исключением его последней четверти, когда город был завоеван турками, и строительная деятельность генуэзцев прекратилась.

В целом рассмотренные в статье лапидарные памятники Крыма XIV–XV вв., несмотря на их кажущуюся несовместимость и «молчаливость» (только на одном из них имеются плохо сохранившиеся граффити по-гречески и еще на одном — едва заметные остатки латинских букв), оказываются весьма примечательными свидетельствами своеобразного *ars metotiae* Кафы и возглавляемого ею политико-правового и социокультурного континуума, именуемого в XIV–XV вв. «Генуэзской Газарией». Это «искусство памяти» в особых фигуративных формах, символах, эмблемах актуализировало те модусы, которые считалось недопустимым забывать, дабы не утрачивать связи с порождающими ос-

⁴⁷ *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIIe — début du XVe siècles). Gênes; Rome, 1978. Т. 1. P. 902; *Vigna A.* Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la Signoria dell'Ufficio di San Giorgio // ASLSP. Genova, 1878. Vol. 7. P. 2. P. 767 sq.; гербы рода Леркари встречаются на других известных памятниках крымской эпиграфики, см.: *Юргевич В.Н.* Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. 5. С. 165 (приводится неточная прорисовка); *Skrzinska E.* Op. cit. № 19 (изображение отсутствует).

нованиями; это искусство фиксировало референциальные рамки уникальной общности – *civitas Caprae*, определяя ее идентичность и самопонимание, отличая от внешних геополитических мегаобразований, действовавших в причерноморском регионе – Византии, Лигурийской республики (или Генуи) и Золотой Орды.

Summary

A.G. Emanov

The Unpublished Lapidary Monuments of the Genoese Settlements in the Crimea in the XIV–XV Centuries

Four of five plates published in this article come from Caffa (modern Feodosya) and one from Soldaya (present Soudak).

The first plate has the emblem of Genoa with Latin cross, the Caffa's arms with tamga and the empty heraldic armour. The last armour symbolizes the consular status of the city's head. It is empty, because the consular position in Caffa was vacant. In the center of the second plate there is Caffa's emblem with tamga. On each side of the plate two emblems of Genoa with Latin cross are located. At the foot of it the empty relief plateau for an inscription is settled.

The third plate contains the arms of Caffa with tamga and a heraldic armour with the erased cross. Above the arms the traces of Latin letters «V» and «T» can be seen. Below the arms there is a relief framework with an erased inscription.

The fourth monument represents the icon with St. George's image and Greek graffiti. The fifth plate contains the arms of Genoese family Lercary. Originally it is from Caffa; but nowadays is located in The Chersoneses museum.